

Александр Лядов

ЛУЧШЕ ЛИЗНУТЬ, ЧЕМ ГАВКНУТЬ

**Сборник юмористических рассказов,
Стихов и непричёсанных мыслей**

Александр Лядов

**Лучше лизнуть, чем
гавкнуть (сборник)**

«Литео»

2017

УДК 82-17
ББК 84-7

Лядов А. С.

Лучше лизнуть, чем гавкнуть (сборник) / А. С. Лядов —
«Литео», 2017

ISBN 978-5-00071-876-6

Наукой доказано, что в наш жестокий век хорошее настроение и смех позволяют увеличить продолжительность нашей жизни. В книге собраны короткие юмористические рассказы, стихи, нестандартные изречения. В их основе реальные события, люди, с которыми автору довелось встречаться в Старом и Новом свете. Написанное читается легко и весело, что вызывает улыбку. А значит – продлит вашу жизнь.

УДК 82-17
ББК 84-7

ISBN 978-5-00071-876-6

© Лядов А. С., 2017
© Литео, 2017

Содержание

От автора	6
Глава 1. В душе не остыло то, что было	9
Праздничный выговор	9
Синие птицы на красном рояле (или день заказов)	13
Люди женские	17
Восток – дело тонкое	18
Целебный напиток	21
День рождения	25
Лучше лизнуть, чем гавкнуть	28
Жри землю	31
Нестандартный тост	33
Первый концерт для фортепиано с оркестром	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Лядов

Лучше лизнуть, чем гавкнуть (сборник)

© Лядов А. С., 2017

© ООО «ЛИТЕО», 2017

От автора

Признаюсь: я учился и оканчивал среднюю женскую школу.

Почему вы улыбаетесь? Что вас удивляет? Время послевоенное. Обучение было раздельным, но в нашем украинском городишке мальчиков оказалось очень мало. На целую школу не хватало. Поэтому нам повезло – с юных лет мы были окружены женским вниманием. Но при выдаче аттестатов об окончании школы руководство не знало: как записывать, где мы учились? Например: «Лядов Олександр закінчив жіночу середню школу»?

Негоже... И нас оставили мужчинами, сделав прочерк вместо слова «жіночу». А аттестат с одной стороны был на украинском языке, с другой – на русском.

В дни, когда решался вопрос нашей ориентации, я прочёл книгу одного юмориста, который рекомендовал вести записи увиденного, услышанного, тронувших душу событий, эпизодов, интересных встреч с людьми разных возрастов, судеб и характеров, а также фиксировать смешные выражения и словосочетания. Я внял его совету. Так начались мои заметки на страницах тетрадок, блокнотов, отрывочных листов. Возникали они бессистемно, с надеждой на их пригодность в будущем. После школы поступил в престижный по тем временам Московский институт стали. Провинциальный мальчишка попал в разнородную, бурлящую студенческую среду, где рядом с такими молокососами, как я, сидели и аккуратно конспектировали лекции, жили в одной комнате общежития участники войны. Насыщенная культурная жизнь в столице с посещением театров, музеев, кино, различных выставок, с одной стороны, и менее культурная, но тоже жизнь – рестораны, девушки, стаканчики граённые, «стиляги», с другой – всё это щедро способствовало не только моему становлению, но и наполнению записных книжек.

Всю жизнь буду помнить одного пожилого профессора. Небольшого роста, худенький, в пенсне, из когорты старых интеллигентов. Заходя в аудиторию, он говорил, порой забывая: – Прошу садиться, госпо... товарищи.

И я сочинил:

*«Хотелось бы добиться мне
Того, что дедушка в пенсне».*

По-детски наивно, правда? После окончания института по распределению был направлен на производство, на один из крупных заводов чёрной металлургии Украины. Это была уже совсем другая территория, с иным климатом и людьми, иным отношением к жизни, культуре, с русско-украинско-белорусско-грузинским говором и матом. Со своими понятиями касательно того, «что такое хорошо и что такое плохо». Со стойкой любовью к выпивке, желательно с хорошим закусоном. С одеждой, которую эксплуатировали до полного износа. Но главное – с неистощимым юмором, несмотря на постоянно возникающие проблемы.

*«Я в этом жизненном огне
Не видел дедушек в пенсне».*

Записи бросались в большой коричневый фибровый чемодан. Где-то прочёл:

*«В эпоху кошёлков, торб и авосек,
В толчее ватников и кацавеек,
Фибровый чемодан был гостем,
Аристократом среди плебеев».*

Порой решал: «Нужно использовать содержимое “аристократа”». И каждый раз откладывал. Находил причины. Успею. Нет, вру. По требованию партийных или профсоюзных деятелей в местной заводской или областной печати появлялись мои «шедевры» о могучей силе рабочего класса и неутомимой производственной деятельности наших сплочённых коллективов под руководством партии и правительства во имя торжества коммунизма.

*Нам ценно всё, что выдумкой добыто.
Нам ценно всё, что сделано тобой.
Копилка бережливости открыта.
Внеси в неё, товарищ, опыт свой.*

Или:

*Товарищи! Всюду намеченной цели
Достигнем в труде благородном своём.
Добьёмся, чтоб качество наших изделий
Вместе с количеством шло на подъём!*

К сожалению, это не помогло нашей экономике.

Несколько раз открывал фибровый чемодан – свалка! Ведь всё это надо разобрать, систематизировать с учётом непрерывного потока текущих наблюдений. Медленно, очень туго шёл процесс приведения в порядок содержимого чемодана. А на горизонте уже появились цвета пенсионной радуги.

*Какие были заботы?
Жизни главные версии?
Дом – работа, дом – работа.
И... – «вы на пенсии».*

А что я буду делать на «заслуженном отдыхе»? Землю обрабатывать на дачном участке? Не люблю. Дети и внуки далеко. Ругаться с женой? Не привык.

Но в жизни всегда есть место... неожиданным поворотам. Перестройка. Переломка. Переделка. Переездка. И принимаем непростое решение – отправиться к детям в Америку. В аэропорту пограничник при досмотре поинтересовался:

– А что в этом чемодане?

Я не был готов к такому вопросу.

– Да... тетрадки... записки..., – как-то робко ответил я.

– Что в этих записках, тетрадках? Откройте.

Пока он перелистывал страницы блокнотов, я успокоился. В них вся прожитая жизнь. Контры и самиздата нет. А пограничник внимательно читал запись в одном блокноте и неожиданно сказал:

– Это правильно.

Я посмотрел, что ему понравилось. «Кукушка, кукушка, сколько мне осталось жить? – А с кем?»

– Проходите, – улыбаясь, сказал страж. Таможенник с чувством юмора – согласитесь, нестандартно. Прибыли в Новый свет.

Появилось у пенсионера свободное время, возможность разобраться в записях о прошлом, осмыслить день сегодняшний и, главное – подготовить и предложить на суд читателя книгу.

В этом мне помогли замечательные художники-юмористы М. Беломлинский (Нью-Йорк) и Евгений Кран (Тюмень), которые проиллюстрировали рассказы. За что им Спасибо. Спасибо. Спасибо.

Тот пограничник, его оценка и улыбка укрепили желание поведать об услышанных мной репликах, выражениях, суждениях, частушках, автором которых был не я, а неунывающие «представители рабочего класса, крестьян и интеллигенции». Мне всегда ближе замечать смешное в людях, ситуациях. Основой для рассказов, стихов, записей, реплик послужили реальные люди, факты и события.

*Бог людям разум, юмор дал.
Я слушал. Видел. Записал.*

Александр Лядов

Глава 1. В душе не остыло то, что было

Праздничный выговор

Время – Хрущёв. Целина. Кукуруза. Работаю на металлургическом заводе.

Прозвучала сирена. Ночная смена закончилась. Расписался в производственном журнале: «Смену сдал – смену принял» – и собрался идти домой. Устал, потому что сразу после вчерашней ночной смены ходили на праздничную демонстрацию в честь Великой Октябрьской социалистической революции. И запомнился этот праздник мне, тогда ещё молодому специалисту, на всю жизнь.

Неожиданно по цеховой громкоговорящей связи услышал:

– Мастер смены Рубин, зайдите к начальнику цеха. Повторяю. Мастер смены Рубин, зайдите к начальнику цеха.

С чего бы это? Наверное, из-за вчерашнего праздничного шествия.

– Заходи. Нача-а-альник и парто-о-орг те-е-бя-я ждут, – растягивая слова с улыбкой пролепетала всезнающая секретарша Марина. – Начальник злой, предупреждаю.

– Спасибо, родная, порадовала... Можно?

– Можно, можно, даже нужно, – пробасил начальник цеха Валуев.

На силу голосовых связок он не жаловался. Умел их продемонстрировать. Человеком был неординарным. Прошёл всю войну. Партизанил в лесах Белоруссии. Потерял полруки, носил протез. Был, мягко говоря, строг, но справедлив. Ценил юмор. Горько шутил: «Наград у меня много. Образования мало. Правда, у нас руководить можно и без него. Нужно иметь полголовы и два языка. Вместо диплома у меня глотка хорошая».

Цеховая кличка – «Партизан». Он и в цеху проводил оперативки нестандартно. Постукивал протезом по столу, на котором по тем временам укладывали стекло. Нередко, когда бывал недоволен, если кто-то напортачил, он возбуждался, постепенно повышал свой громовой голос, а в конце гневной тирады бил по столу кулаком, то бишь протезом. Стекло – вдребезги. Это означало, что оперативка закончилась, а провинившемуся премии не видать.

Однажды, после очередного разноса, Валуев грохнул по столу протезом, но стекло не разбилось. Тишина. Валуев и все присутствующие с непониманием и удивлением уставились на стол.

– Это... это... Что это? – как-то тихо спросил он.

– Так это я поменял стекло, Николай Михайлович. Плексигласом называется, – бодро ответил заведующий хозяйством в цехе.

Начальник внимательно посмотрел на него, на стол, снова зло на завхоза.

Тот как-то съёжился.

– Новые материалы. Экономия, – всё тише и тише произносил завхоз, не зная, что будет дальше.

– Бездельники! Не дают нормально работать, – уже как-то добродушно закончил «Партизан» под общий хохот.

Я часто вспоминаю его, когда посещаю рестораны высокого класса, с культурным обслуживанием, уютной обстановкой, тихой музыкой и вкусными блюдами, вежливыми официантами и официанточками... В те годы подобных заведений было мало.

Как-то раз наша небольшая делегация прибыла в столицу по производственным вопросам. Вечером Валуев предложил пойти в один из самых шикарных ресторанов.

Сначала нас не хотели пускать, поскольку по одежде, говору, по манерам опытные стражи сразу поняли, что мы из провинции. После коротких переговоров (показали документы – два ветерана войны) нас всё-таки пропустили. Публика – в основном иностранцы.

Подошёл молодой официант:

– Что желаете? – и начал записывать «пожелания» из блюд, названий которых мы никогда прежде не слышали.

Единственный напиток, уверенно нами названный, был «четыре по сто пятьдесят». Он ещё не закончил записывать, кто что изволит, когда в зал вошла группа иностранцев в военной форме и расселась за приготовленные для них столы.

Увидев их, официант буквально изменился в лице, на котором появилось такое угодническое, такое рабское выражение, что мы все улыбнулись, а он, обращаясь к Валуюву как к старшему, дрогнувшим голосом произнёс:

– Простите, пожалуйста, к нам прибыла делегация во главе с немецким генералом. Я сначала их обслужу, – он показал рукой на вошедшую группу, – а потом подойду к вам.

Лицо шефа стало буквально наливаться кровью, оно было не просто злым, а звериным.

– Что-о?! – и, стукнув по столу кулаком, громовым басом он заорал. – Сначала ты обслужишь генерала? Да я этих генералов с пятнадцати лет с автоматом гонял, а на своей земле в очереди буду стоять?

Официант замер, побледнел и не знал, как поступить. В зале все повернули головы, не понимая, что происходит. Мы начали успокаивать Валуюва, что было непросто.

Тут же возник администратор:

– В чём дело?

Официант молчит. Валуюв стиснул зубы. Тогда я тихо разъяснил, что случилось.

Реакция была мгновенной:

– Уважаемый Николай Михайлович! Вас немедленно обслужат.

– Нет! Пусть он обслужит, – и пальцем показал на бледного официанта.

– Нет возражений, – и, обращаясь к официанту, строго приказал. – Обслужите, как положено. А впредь, думайте, когда говорите.

Молодой официант принёс заказанные блюда, графин с водкой, а в конце ужина разлил по фужерам грузинское вино.

– Так... мы не заказывали, – робко возразил кто-то из нас.

– Это от администрации. За мою бестактность. Извините.

Итак, захожу в кабинет, сажусь. Напротив меня парторг. И я как-то сразу подумал: какие же они разные! Начальник – высокий, крепкий, с широким лицом, быстрой реакцией на происходящее, равнодушный. А парторг – невзрачный, небольшого роста, с невыразительной физиономией и тихим голосом. И кличка у него была – «Недокат», то есть бракованный, недокатанный, «недоделанный» – так его окрестили острые на язык работницы цеха.

– Ну, рассказывай о своих подвигах.

– А в чём дело? План мы сегодня выполнили, даже перевыполнили, пятьсот тонн арматуры прокатали, травматизма нет.

– Так это сегодня, а вчера? Недопилили или перепили? Что вы там творили на демонстрации? Революционеры. А травматизм бывает не только физический, но и это... гм... Какой бывает? – он посмотрел на парторга.

– Идеологический.

– Вот! Понял?

Я понял. Я сразу всё понял. Вспомнил, что пели, но решил не сдаваться.

– Не знаю, о чём вы.

– Разъясни этому непонятливому, – велел Валуюв парторгу и кивнул на меня.

– Позвонили из парткома завода, а им звонили из городского комитета партии. Сказали, что при прохождении вашей колонны... – парторг поднял свои пустые глаза на начальника.

– Нашей колонны, – зло уточнил Валуев.

– ...при прохождении нашей колонны на демонстрации перед трибунами громко прозвучали оскорбления в адрес руководителей партии и правительства. Я спросил, в чём это выразалось? Они ответили, что антисоветчину не повторяют. Требуют разобраться, очень строго наказать виновных. Очень строго. Очень. И доложить.

– Вот так, ува-жа-емый мастер. Доработались. Вашу мать... Довоспитывались.

– Николай Михайлович, я за воспитание не отвечаю.

– Заруби себе на лобном месте. Ты – мастер! И в смене отвечаешь за всё – от сдачи металла до сдачи донорской крови... За всё. Понял?

– Понял.

Настроение падало.

– Та-ак. Иди готовь приказ о наказании Рубина, со строгим выговором, – сказал Валуев парторгу.

– С какой формулировкой?

– Что? – взорвался Валуев. – Я тебе ещё формулировки писать буду? Кто за воспитание отвечает? Ты! Я ещё подумаю, кого наказывать. Приказано – иди выполняй.

– Хорошо, Николай Михайлович, – спокойно ответил парторг, как будто это его не касалось, и вышел.

Пауза.

– Докладывай, что там было.

Молчу.

– Не прикидывайся дурачком. Я должен всё точно знать. Сопротивление бесполезно.

– Отработали ночь, собрались все вместе, «разогрелись» чуть-чуть. Нет, правда, чуть-чуть, Николай Михайлович. Нормально прошли по намеченному маршруту. Организовано, с плакатами. Своевременно и громко кричали «Ура!», «Да здравствует!», «Пусть крепнет!», «Слава! Слава! Слава!»... Вы в голове колонны, мы за вами.

– Я смотрю, ты весельчак. Ну-ну. Трепись дальше. Только покороче.

– Дошли до трибуны. С песнями, танцами, частушками. Как всегда. Трибуна невысокая, от нас недалеко. Там руководство машет всем ручкой, улыбаются. Вы же нашу крановщицу Катю – певунью знаете?

– Знаю, кто ж её не знает. Матом пропоёт – заслушаешься...

– Она всю дорогу всех веселила. Коля-резчик на гармони, кепочка набекрень, а она с платочком, пританцовывая, девка молодая, смачная, а голосина посильнее вашего...

Рис. М. Беломлинского

– Ты по делу говори, не увиливай. А про смачную – после работы.

– Есть! Возле трибуны разошлась. Видно, мужики на трибуне её возбудили... Катюху не удержишь – и выдала несколько частушек. Они услышали и улыбаться перестали, это я заметил. А что ей сделаешь? Рабочий класс, гегемон, ему всё прощается.

– Ему, может, и прощается, а тебе нет. Тебе артистом быть. Распустили всех. Какие частушки?..

Молчу.

– Пой, я тебе говорю!

Молчу.

– Пой, я тебе приказываю!

«Партизан». Деваться некуда.

– Она разные пела. Но они хмурыми стали после этой:

*Полюбила б я Хрущёва,
Но боюсь одного,
Что висит заместо члена
Кукуруза у него.*

Валуев так громко расхохотался, что в дверь заглянула перепуганная Марина.

– Закрой дверь и никого не пускай. Да... Мудрый у нас народ! Это ж надо. Прямо в десятку. Ну, ладно, топай. Отдыхай. Если посадят, то мы тебе от цеха собрание сочинений партийных классиков сообразим. А Катя-смачная передачи будет носить. С частушками. Раньше бы за такое...

На следующий день на доске приказов по цеху я прочитал:

«За низкое проведение работы по поднятию до высокого уровня политико-воспитательной работы среди трудящихся мастеру смены Рубину А. С. Объявить выговор.

Начальник цеха Н. М. Валуев»

Слова «строгий» в приказе не было.

Синие птицы на красном рояле (или день заказов)

Москва. Восьмидесятые годы. Проектный институт.

– Если бы хоть кто-нибудь знал, как мне всё это осточертело, – Юрий Петрович посмотрел на лежащие у него на столе исписанные листы бумаги с расчётами, потянулся и решил размяться. Вышел в коридор и медленно направился к лестничной площадке, где всегда можно было поговорить с курящими коллегами «за жизнь», хоть сам он не курил. В свои пятьдесят лет Юрий Петрович был физически крепок, умён, а самое главное, за что его ценили друзья и сотрудники, обладал неистощимым чувством юмора.

Как он сам говорил: «Это единственное, что у меня неистощимо».

Неожиданно из последней двери коридора вышла и быстро двинулась ему навстречу Зинаида Сергеевна. Юрию она не нравилась. Его ровесница, но некоммуникабельна и всегда неопрятно одета.

– Куда летим, Зиночка?

– От тебя подальше.

– Понятно... А я думал, за заказом.

– Что? – Зина остановилась как вкопанная. – Сегодня дают заказы?

Юрий, заложив руки за спину и не оборачиваясь, молча продолжил своё движение и свернул на лестничную площадку. Зина резко развернулась на сто восемьдесят градусов и ещё более стремительно пошла к себе в отдел.

Со стороны Юрия Петровича это была очередная импровизация. Он слыл мастером розыгрышей и весёлых провокаций.

– Привет, аксакалы! Чьи косточки перемываем? – спросил он курящих.

– Сегодня одна сенсация – директор руку сломал.

– Какую?

– Правую.

– Так ему и надо. Он этой рукой в прошлом месяце нам премию не подписал.

Всем эта логика понравилась.

Пока обсуждали другие темы, заметили, что произошло какое-то изменение в спокойном обычно ритме. Особенно много стало проходить с этажа на этаж женщин с обеспокоенными лицами.

– Что случилось? – спросили у одной.

– Заказы должны давать.

Мужчины сразу же погасили свои папиросы и поторопились в свои отделы. Все, кроме улыбающегося Юрия Петровича.

– Юра, ты не знаешь, где Рая? – спросила руководитель группы, когда он вернулся в свой отдел, – ты же с ней вась-вась...

– Нет. А что случилось?

– Все ждут, заказы давать будут, а её найти не могу т.

– По неполным, но абсолютно точным данным, сегодня утром эти заказы были распределены между дирекцией, партийной и профсоюзной организациями, и, по слухам, профсоюзная Рая получила за это однодневный отпуск, ибо «профсоюзы – школа коммунизма», – на полном серьёзе отчеканил Юрий Петрович очередную выдумку и решил для себя, что он сегодня славно поработал и день прожил не зря.

Но ещё более интересным продолжением этой истории, в результате которой весь институт полдня не работал, стал эпизод с главным инженером Сергеем Сергеевичем Кротовым.

В разгар поисков Раи ему позвонила жена:

– Серёжа! Девочки позвонили мне. У вас сегодня заказы будут. Возьми колбаски, шпроты, и что там будет вкусенького. В субботу у Миши день рождения. И не забудь заехать в школу за Маришкой.

– Галя! Пусть Рая позвонит или зайдёт ко мне, – сказал Кротов секретарше.

Только что закончилось совещание. Он встал, прошёлся по кабинету, сделал несколько приседаний, подошёл к окну, начал отжиматься от подоконника, глядя на улицу, на гастроном, который был на противоположной стороне, на людей, идущих через перекрёсток, и увидел Раю, которая как раз выходила из гастронома с тяжёлыми сумками.

– Галя! А кто сегодня заказами командует?

– Сергей Сергеевич, сегодня никаких заказов нет.

Он посмотрел на часы.

– Вызови машину. Мне за дочкой заехать надо. Вышел из кабинета, на мгновение оставившись, улыбнулся и сказал:

– Передай Рае, что в рабочее время ходить по гастрономам не положено, тем более что из моего окна всё видно.

– Я передам... Но если честно, то там сегодня давали мясо, яйца и масло... Она и мне взяла.

Что он мог ответить?

Уже в машине вспомнил запись одного партийного работника о шести противоречиях социализма:

1. Безработицы нет, а никто не работает.
2. Никто не работает, а планы выполняются.
3. Планы выполняются, а в магазинах ничего нет.
4. В магазинах ничего нет, а холодильники полны.
5. Холодильники полны, а все недовольны.
6. Все недовольны, а голосуют за.

Подъехали к детской музыкальной школе, где училась дочка.

Старое, невзрачное здание, никогда не ремонтируемое, поскольку каждую пятилетку власти обещали построить новое.

«Храм искусства», – подумал Кротов. Он редко заходил внутрь школы, а ждал дочь на улице. Но сегодня приехал рановато и решил побывать в атмосфере высокого искусства.

Зашёл в помещение, медленно двинулся по коридору. Мимо него в каком-то хаосе сновали дети, проходили взрослые с озабоченными лицами, со свёртками и сумками в руках. Обычно в это время занятия ещё не заканчивались, было пусто, и только музыкальные звуки заполняли пространство.

Кротов остановил девочку постарше и спросил, что происходит. Она на него внимательно посмотрела и ответила:

– Пройдите в актовый зал, – и показала в конец коридора, – там идёт награждение наших учителей.

Кротов открыл дверь, вошёл в зал с небольшой сценой, присмотрелся и... остолбенел. На сцене стоял ослепительно... красный рояль. На этом ослепительно-красном рояле лежали ослепительно-синие, тощие с перьями куры. К роялю из зала по очереди подходили преподаватели и «награждались» курицей, завернутой в газеты «Советский спорт», «Известия», «Правда», «Труд», «Искусство» и т. д. и т. п.

Рис. Е. Кран

На Кротова это произвело ошеломляющее впечатление. Особенно после того, как на сцену поднялась немолодая женщина, подошла к роялю, на мгновение замерла и тихо произнесла: «Какой ужас!» – и услышала в ответ, в спину: «У вас извращённый аристократизм».

«Это что-то новенькое в определении аристократизма», – подумал Кротов. Он смотрел на стоящих и сидевших преподавателей. В основном это были женщины и мужчины из поколения старых аристократов, воспитавшие немало выдающихся музыкантов с мировым именем, гордость страны, которые обучали своих учеников не только музыке, но и манерам, грамотной речи, общению с людьми. И родина «щедро» платила им синими птицами.

Самое пикантное Кротов услышал от друга, который приехал к нему в гости, а жил сам далеко от благополучной Москвы, и с которым он, Кротов, поделился впечатлениями за бутылочкой хорошего виски.

– По поводу кур... Тощие, синие, с перьями – это были наши куры, экологически чистые, и сейчас таких купить – считай, тебе повезло. У нас продают надутых, покрашенных розовой краской кур, как с открытки. Наши коты таких кур не едят, а гоняются за синими, тощими, без накачки растворами.

P.S. Недавно музыкальная школа переехала наконец в новое здание. Комнат не хватает, и красный рояль остался, по выражению представителя школы, в загашнике и ждёт своего часа.

В связи с падением курса рубля, стоимости барреля нефти и санкций собственное производство сельскохозяйственных и животноводческих продуктов, по заявлению руководства РФ, должно резко возрасти, заменив импортное.

Ослепительно-красный рояль скоро дожждётся своего часа, а вместе с ним, точнее, на нём мы увидим «экологически чистых, ослепительно-синих, тощих с перьями кур».

Люди женские

Недавно, перебирая свой архив, я у видел немного помятый листок, лежащий в отдельной папке с надписью «Евгений Евтушенко». Это было стихотворение Е. Евтушенко «Люди женские» с дарственной надписью «Саше от всего сердца. 2000».

История получения этого стихотворения такова. Поэт проводил свой творческий вечер. После окончания встречи Евгений Александрович раздавал автографы, а я случайно увидел лежащий на полу листок, поднял его и увидел, что это напечатанное без названия стихотворение поэта. Когда я ему возвратил лист, он очень обрадовался:

– Спасибо огромное. Видимо, выпал из папки. Я вам другое дам. Он выбрал из папки «Люди женские» и размашисто на нём расписался.

По своей работе мне приходилось общаться с людьми разных профессий, малого и большого уровня должностей и ума, с юмором и без него. Иногда вспоминал свои впечатления, наблюдения, рассказы коллег и друзей на тему «Люди женские».

Восток – дело тонкое

Владимир Семёнович Ларин – главный инженер проекта (ГИП) института, который располагался в Казахстане и обеспечивал технической документацией всё, что было связано с водой в восточных регионах страны. Ларин – высокого роста, крепкого телосложения, с умными глазами и при разговоре всегда с какой-то извиняющейся улыбкой, хохмач и любитель женщин.

ЛЮДИ ЖЕНСКИЕ

А.Гладковой

Сколько женщин было в жизни у меня
не считал. Такие списки-пачкотня.

Я не вел амбарных книг своих страстей.
Был по банку дамой пик или крестей
и они играли мною, открыли
ненадежнейшего в мире короля.

В Самарканде мне сказал один узбек:
«Люди женские-хороший человек.»

Лица женских, мной написанных, людей,
стали лучшей антологией моей.

Люди женские, став матерью, женой,
написали все написанное мной.

Лишь тогда мужчина может быть отцом,
если что-то материнское есть в нем.

Не отдав меня на злой мужичиный суд,
люди женские всегда меня спасут.

Ах, жакне у меня учителя!
От их туфельек вращается земля.

Все, что стало мной, когда-то в тишине
люди женские нашептывали мне

и проходят, то дразня, а то казня,
длинноногие соавторы меня.

2 сентября 2000 Цинцинатти-Талса В самолете.

Сочи это
мне судьба.
В.В.В.В.
2000.

– Официально, по работе в институте я-ГИП. Но моё призвание и хобби – ювелир. Мои проекты, как ювелирные изделия, как бриллианты. Жаль, что часто любые проекты искажаются на практике до неузнаваемости, – улыбался он.

Головной институт, который занимался комплексным проектированием объектов и сооружений, располагался в столице и всегда привлекал фирму Ларина к сотрудничеству в силу его специфики. По положению их разработки защищались в Москве.

А так как камнем преткновения всегда была стоимость, которую скрупулёзно проверяли ревизоры (в основном женщины), то у Владимира выработалась стойкая неприязнь к прекрасной половине человечества, правда, уточнял он, только при исполнении ими служебных обязанностей. Ларин иногда делился своими впечатлениями:

– Эти бабы, ревизоры... С ними бесполезно спорить. Впечатление такое, что они давно ждали меня, им не на ком было отвести душу, выговориться. Доказать. Ткнуть носом плетё... Я зашёл к ним в отдел и говорю:

«Здравствуйте, тётеньки...»

А одна из них:

«Это что, новое восточное приветствие?»

«Нет, – говорю, – работу закончим, расскажу...»

Надо мной поиздевались, но с мелкими замечаниями техпроект подписали. И я выполнил обещание, когда всё закончили.

Вот что тогда я им поведал:

«Недавно мы с женой были в Душанбе. Идём по улице. Домиков много, и у каждого стоят или играют дети, а когда мы проходим, они обязательно кивают:

“Здравствуйте, дяденька”.

Идём дальше.

“Здравствуйте, дяденька”.

Проходим ещё. Снова:

“Здравствуйте, дяденька”.

Но мы ведь идём вместе. Я и жена. Она спрашивает:

“Вова, почему они приветствуют только тебя?”

Я ей разъяснил:

“Потому что женщина здесь должна знать своё место. Она не в почёте. Это второй сорт. А ну-ка, полшага назад, и иди за мной”.

“Здравствуйте, мальчики... Здравствуйте мальчики... Здравствуйте...”

Я думаю, есть что-то мудрое в восточных обычаях».

«А жена на полшага назад отступила?»

«Естественно».

А руководитель группы Панова с улыбкой уточнила:

«Если бы вы это рассказали вначале, то уехали бы без согласования».

«Поэтому и обещал объяснить своё необычное приветствие после завершения, чтобы с проектом в руках, как со знаменем вернуться на Родину», – пафосно прозвучал мой ответ. А когда позже зашёл к Пановой в кабинет попрощаться, она пригласила меня к себе домой отметить успешное окончание работы, и мы до самого утра так и не успели обсудить перспективы водных ресурсов восточных республик. У меня «с собой было», по Жванецкому, и я ей подарил колечко в знак нерушимой дружбы между народами и с... женщинами.

Целебный напиток

– Не понимаю... Как можно пить с удовольствием чай, имеющий такой резкий запах, как у веника, облитого кипятком? Тем более, вприкуску с гречишным мёдом – тёмно-коричневого, непривычного цвета и пахнущим чем-то не нашим... Да ещё из какой-то экзотической посуды! Раньше, насколько я помню, ты пил водку стаканами и запивал ею же. Что произошло? До чего ты допился? Или я неправ?

Именно так, медленно, с чувством, с толком, с расстановкой задавал эти вопросы давний друг, который приехал погостить по моему приглашению в Москву.

Мы с ним много лет трудились на металлургическом производстве. Тяжёлом, посменном. Направлены были после института, жили вместе в одной комнате в общежитии, делились радостями и неприятностями по работе, любили девушек, ходили на собрания и демонстрации, в кино и на встречи с поэтами и писателями.

А насчёт спиртного каждый из нас мог уверенно сказать: «Свою цистерну я выпил».

Очень сблизились, часто подшучивали друг над другом. Почти одновременно женились, позже разъехались по разным городам, но связи не теряли, переписывались, иногда семьями выезжали вместе отдыхать или приезжали в гости друг к другу. Мы были молоды. Время – начало шестидесятых. Помните?

*А я еду, а я еду за туманом,
За мечтами и за запахом тайги.*

А теперь сидели за столом, а на нём – всё, что напоминало старые добрые времена: картошечка, селёdochка, водочка, салат оливье...

За плечами годы, жёны, дети, рекомендации врачей. Говорили, вспоминали. Время позднее. Загрузились хорошо. И вдруг – на тебе, вопросы. И о чём? О моих самых любимых чае и мёде.

– Ему, видите ли, непонятно. Большевиcтская прямота и невысокая культура... Но мой уровень не позволяет реагировать грубо, поэтому вежливо поясняю. В порядке поставленных.

Чай. Зелёный. Мёд. Гречишный. Это история. Долгая. Слушай.

Она началась с конца семидесятых годов прошлого века... Старик, ты осознаёшь? Семидесятые годы. Прошлый век...

Я, как ты знаешь, после завода переехал в Москву, в проектный институт. Мне поручили заниматься проектированием и строительством одного из последних металлургических комбинатов «нашей советской эпохи» в республике Казахстан, где уже функционировали полигоны для запуска ракет на Байконуре и атомный в районе Семипалатинска.

– Разглашение государственных секретов карается в нашей стране очень строго. Я доложу куда следует...

– Правильно. Разберутся. И посадят тебя. Помалкивай.

Когда я прилетал из Москвы на площадку строительства комбината, поселялся в небольшой гостинице. Что такое отели пяти-четырёх-трёхзвёздочные, скажу честно, понятия мы не имели. Но мне всегда выделяли отдельный номер, как главному инженеру проекта.

– Однозвёздочный...

– Не издевайся. Железная кровать, стол, стул, тумбочка, висящая на проводе электрическая лампочка с аляповатым небольшим абажуром и туалет с душем. Молоденькие горничные с местным колоритом и аппетитная буфетчица... Ну скажи, что нужно ещё советскому командированному инженеру для счастья?

Да, чуть не забыл! На столе стоял телефон.

– Для прямой связи с Кремлём? Или со ждущими твоего приезда женщинами?

– Каким ты был, таким остался, – тихонько начал я.

Он положил руку мне на плечо, и мы вместе допели:

*Орёл степной, казак лихой.
Зачем, зачем ты снова повстречался,
Зачем нарушил мой покой?*

– Это здорово, что мы снова повстречались. Казак лихой. Орёл степной. Хорошо, что нарушил мой покой. Так на чём мы остановились?

– На потрясающем отеле.

– Точно. Ведь я тебе не зря всё перечислил. Именно потрясающий. От слова «трясти». Ты запомнил электрическую лампу на висящем проводе?

– А как же. Лампочка Ильича.

– Хоть это запомнил. Мало выпил. Так вот, когда производили вечером или ночью испытания в Семипалатинске, сильного землетрясения не ощущалось, но лампочка на проводе начинала качаться, а телефон как-то противно дребезжать, и становилось не по себе, но все понимали «откуда ветер дует».

А ветер направлялся в районы как в степные, так и в горные, где паслись бараны, овцы и вся живность аборигенов. Стало очевидным, что после взрывов дошли животные, начало болеть население. И заметили казахи поразительную закономерность: люди, которые пили настой из зелёного чая, оказались значительно устойчивее к радиации.

Поручили науке проверить. Проверили. На баранах. Одним давали настой из зелёного чая. Другим нет. Первые выжили. Вторые подошли.

– Я так понимаю, что ты был, к счастью, в первой группе?

– Не испытывай меня на прочность. Иначе получишь по своей лысине. А какая у тебя была шевелюра... Я продолжаю.

Зелёный чай стал очень популярным в Казахстане, так как там взрывали и испытывали... Взрывали и испытывали. И запускали.

Кстати, зелёным чаем отпаивали ликвидаторов последствий аварии в Чернобыле, помогая их организму справиться с облучением. Ты хоть что-нибудь понял из этой длинной лекции?

– Естественно. Но чтобы ещё лучше усвоить выстраданный материал – наливай. Нет, нет. Мне виски, пожалуйста. Со льдом... Продолжайте, сэр.

– А я услышал впервые о зелёном чае на пикнике, куда меня пригласили казахские коллеги отдохнуть, расслабиться на лоне великолепной природы, побывать в настоящей юрте, с круглыми коврами и национальными угощениями.

– Знаешь, это непросто, попав первый раз в обстановку, где нужно соблюдать национальные обычаи, делать всё так, как тебе приятно.

– Например.

– Представь себе. Сидит старый казах в тёплом халате (несмотря на жару!) и каким-то специальным ножом раскрывает череп барана.

– Ну, не твой же.

– Попорчу физиономию. Молчи и слушай. Раскрывает череп и преподносит для поедания (по статусу и уровню гостя) мозги, язык, глаза, уши... Тебе, судя по вопросам, которые ты задал, достались бы глаза, поскольку мозгами... не дорос. В конце, после бешбармака и мантов, чай в пиалах и разные сладости. Между прочим, перед трапезой тоже подаются чай и кумыс.

«Пей, сынок, – сказал старик. – В наших краях помогает здоровью».

А так как мы часто и подолгу находились на строительстве, коллеги рекомендовали прислушаться к гласу народа.

С тех пор я пристрастился к зелёному чаю. Листовому. Самый полезный. Без всяких примесей. Сначала он продавался в плитах, размером большой и толстой книги. Разбивал молотком и зубилом. А так как плиты изготавливали по-нашему, по-рабоче-крестьянскому, ничего не сортируя, из спрессованных вместе листьев, корней, веток разного размера и веса, то при ударах всё это хозяйство разлеталось во все стороны, тем самым вызывая протест домочадцев. Но во имя здоровья терпели. Позже стали торговать этим чаем в полиэтиленовых пакетах. Его мало кто брал. Даже продавщицы магазина «Чай», что на бывшей улице Кирова в Москве, продавали пакеты с лёгким пренебрежением.

На него набросились, когда осознали его преимущества и полезность.

– Дорогие друзья! Вы слушаете передачу «За что я люблю зелёный чай», которую ведёт доктор, но технических наук.

– Согласен. Цитирую по памяти: «Содержит сильные антиоксиданты, защищающие от рака. Снижает уровень холестерина в крови. Противостоит действию облучения. Активизирует мозг». Обрати внимание на последнюю позицию. Если не расслышал, повторю.

– Завтра же покупаю вагон с пачками зелёного чая.

– Тебе не надоела моя болтовня?

– Нет, нет, профессор, я еле успеваю конспектировать... Нужно закрепить рюмочкой. Закрепили. И лекция продолжилась.

– Касательно гречишного мёда. Сведущим в медицине людям известны его качества. Они сводят на нет многие заболевания. Называю некоторые. Опять же по памяти. Болезни сердца и желудка. Кровоизлияния в мозг. Гипертония. Лучевая болезнь.

Пить нужно только вприкуску, не размешивая в чашке. Иначе теряются многие целебные и лечебные свойства мёда и получается просто подслащённая вода, если её температура превышает 40 градусов.

Для дилетантов этот мёд, как указывалось выше, непривычен цветом, запахом, вкусом. Тут я тебе ничем не могу помочь. Повышай свои кондиции.

– Послушай, а тебя не привлекут за незаконную рекламу?

– Что ты меня всё время посадить хочешь?

– Наоборот. Гляжу я на тебя и радуюсь. То ли от зелёного чая, то ли от гречишного мёда, то ли от всего вместе, но ты стал более разумным НОМО.

– Нехороший ты человек. И стукач к тому же... А экзотическая посуда – моя гордость, заварной чайник с национальным орнаментом – один из основных предметов казахского чайного сервиза, который подарил главный инженер комбината в мой юбилей. Там много предметов разного назначения. В нём мы завариваем зелёный чай и подаём на стол только для дорогих людей.

– Наконец я дождался похвалы. За нас надо выпить.

– С удовольствием. Кстати, ты сейчас пьёшь чай из примитивной чашки. Чай по-казахски пьют из пиал. А из пиалы ты сможешь выпить горячий чай?

– Как ты сказал, с большевистской прямоотой чётко отвечаю: нет. стакан – орудие пролетариата.

– Именно поэтому я и не поставил тебе пиалу, плебей. С утра придётся заняться твоим воспитанием и манерами. Смотрим на стол... Водка до дна. Как и в молодые незрелые годы, задание с честью выполнено... Остался виски. Но это не наш напиток. Вражий. И не самогон. Пошли спать.

Утром у обоих было тяжело с головой. Пришлось применить испытанный метод восстановления организма – зелёный чай с гречишным мёдом. Я приобрёл ещё одного союзника – любителя зелёного чая. Ибо этот потрясающий напиток исцеляет не только баранов, но и людей.

День рождения

Скромность, деликатность украшают человека. Особенно когда речь идёт о личном, о самом дорогом. Как писал любимый зять:

*Мой юбилей – ну что за радость?
Как многие, поступками греша,
Скажу, что эту сволочь – старость
Не признаёт моя греховная душа.
Я не хочу стареть, могу признаться.
С мольбой прошу судьбу о том,
Чтобы позволила мне дальше оставаться
Неугомонным, бесшабашным пацаном.*

Чувства выразил очень точно.

Коллега по работе прислал мне поздравление с днём рождения, где тоже пишет: «Ох, это время – ну не сволочь?!» (Пока ещё слово «сволочь» в России не запретили.)

Совпали отношения к возрасту и состоянию души независимо от места проживания, политических пристрастий и семейных отношений. И я решил, пока ещё есть силы «остаться бесшабашным пацаном», забыть о скромности и деликатности, остаться самим собой и выплеснуть на страницы очень личное и, может быть, не очень деликатное. Но, как говаривала моя весёлая знакомая, «Лучше поздно, чем никому».

Вниманию и осуждению читателя предлагается личная политическая переписка по вопросу дня рождения.

1. Поздравление от коллеги по работе из России.

С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ
*Так что же, Александр Семёныч?
Опять пора Вас поздравлять!
Ох, это время – ну не сволочь?!
Летит... И как его унять?
Что пожелать? Чтоб мир подольше
Светился счастьем – как в Крыму,
Чтоб радость нёс не меньше – больше,
Чем Вы приносите ему!
Конечно, нужно быть здоровым,
Чтоб как по нотам и с душой
Играть и дальше роль основы
Для всех и вся в семье большой!
Любви, очей очарованья,
В году – одних счастливых дней!
Пусть все порывы, все желанья
Раскроят жизнь ещё сильнее!
И ощущение оптимизма
Пусть будет ярче и пестрей!
Как при победе коммунизма!
И даже, блин, ещё острей!!!
Желаю в этом поздравленьи*

*Вам от себя, от всех моих,
Идей, сюжетов, вдохновенья,
Чтоб Вам писалось за троих!
Жму руку, обнимаю крепко,
Ведь сколько лет без перемен
Вы для меня – как Ленин в кепке:
Родной... с прищуром...*

Ваш Сурен

2. Ответ.

Дорогой Сурен! Огромное спасибо!

*На пикнике до колик все смеялись,
Когда письмо твоё я зачитал.
«Как в этом бардаке, – все удивлялись,
Он чувство юмора ещё не растерял?»*

3. Ответ товарищу А. С. В.

*Грудой дел, суматохой явлений
день отошёл, постепенно стемнев.
Двое в комнате.
Я и Ленин – фотографией на белой стене.*

В. Маяковский.

*Депеша с поздравленьем из Москвы.
Благодарствуем! Но в тексте слабость —
Как и в мозгах у политической «братвы».
В связи со сложной обстановкой
Пишу без рекогносцировки.
Я буду резок, грубоват.
Порой проскакивает мат.
Но для грядущих светлых лет
Я формулирую ответ.
Хоть Крым по площади и куцый,
«Светиться» не «подольше» должен он,
А без аннексий, всяких контрибуций —
Навечно за Россией закреплён!
Вот так всегда – за частью, за кусочком
Незрелость у политика видна.
Но мы должны стоять у власти прочно.
Нам мудрая политика нужна.
Ваш лозунг – пожеланье «за троих»
И чужд, и вреден партии сегодня.
Сей лозунг для бомжей, для них,
Кто пьёт и прячется по подворотням.
И все художники, поэты, музы цвет,
Напомню, я сказал о них давно.*

*На одного, на двух, на трёх согласия нет.
Российская интеллигенция – говно.
У нас надежда на таких, как Вы.
Всех по дороге к коммунизму воспитаем.
Согласен с Вами. Из капитализма тьмы
Возьмём блядей и их зауважаем.
А пишите Вы славно. Пока можно...
Пока прищуром я могу помочь.
Сдаётся мне, при Джугашвили будет сложно...
С ним яркий день вдруг превратится в ночь.
Здоровья Вам! Поклон мой низкий.
За смычку всех рабочих и крестьян!
Осуществленья дел по-большевистски!
Желаю Вам, товарищ А...ян.
Ещё хочу, чтоб в Вашем Заграничье,
Вы встали, наконец, с колен.
И Вы пришлёте мне, как большевик отличный,
Слова: «Я ВСТАЛ! ПОШЁЛ!! ПО... Ваш Сурен».
Успехов Вам. Осуществленья планов.
Жму руку. В. Ульянов.*

Лучше лизнуть, чем гавкнуть

Владимир – бригадир электриков. На несколько лет старше меня. Смуглолицый, среднего роста, с чёрной копной волос и чёрными большими глазами. Нос огромный, в пол-лица.

– У меня мать гречанка, отец хохол, а если хорошо проверить кровь – от Чингисхана до Наполеона, – смеялся Владимир. – Генетики говорят: «Гремучая смесь»!

Образование среднетехническое. Балагур, жизнелюб, бабник. Печатался в цеховой и районной газетах, как он говорил, по следующим темам: проза – «У нас нет плохих начальников, у нас есть нерадивые рабочие», стихи, по мотивам известной песни – «Сегодня не личное главное, а сводки рабочего дня».

Проработали с ним около десяти лет в одной смене. Меня повысили в должности, когда Владимир был в отпуске. Перед этим он подошёл ко мне с просьбой. Весельчак. О себе заботился, не перегружался, но:

– Дай мне свою руку, Семёныч. Послушай моё сердце, как оно стучит. Тук... тук... тук... еле-еле. Оно очень устало. Оно просит отдыха. Сделай одолжение, дай мне отпуск, Семёныч. Ты мастер добрый...

Посмеялись, и я ему подписал заявление. Встретились после его приезда из отпуска.

– Семёныч, привет!

Я ещё не успел ответить, он совсем другим голосом:

– Простите, ради бога. Здравствуйте, уважаемый Александр Семёнович! Поздравляю вас с новым высоким назначением. Разрешите пожать вашу руку! Рад. Вы это заслужили... Я вчера из отпуска. Месяц не думал о работе, о коллективе, о тебе... Вышел – и узнаю, ты сбежал.

А в глазах тысячи чёртиков, а на лице хитрющая улыбка.

За много лет совместной работы на тяжёлом трёхсменном производстве (с утра, днём, в ночь) у нас с ним было много всякого: хорошего и плохого, похвал и ругани, переходящих знамён и выпелов с портретами вождей, получения выговоров, премий и лишения оных, а количество выпитого... Друг к другу относились с симпатией. Поэтому поддерживаю его игривую интонацию:

– Благодарю, Владимир Георгиевич. Надеюсь, ваши чувства искренни, и желаю вам самого, самого лучшего. Уверен и в вашем блестящем будущем!

– Спасибо, Семёныч. А теперь по делу. Кто будет вместо тебя?

– Не знаю. А зачем тебе это? Какая разница?

– Удивляюсь тебе. Как нас партия учит? «Кадры решают всё». Нужно сейчас быть осторожным, ласковым со всеми. А то пошлю, например, Попова на... А его – раз! – и мастером назначат. И буду

*Позабыт, позаброшен
С молодых, юных лет.
Я останусь сиротою,
Без тебя мне счастья нет.*

– пропел он грустно, тихим баритоном куплет известной блатной песни.

– Прямой подхалимаж и извращение текста оригинала.

– Не важно. Главное, чтоб тебе приятно было со мной общаться. Нужно думать вперёд. Как ты нас учил: перс-пек-тив-но!

«Без всяких аннексий и контрибуций». Он любил вставлять эту фразу при разговорах на любую тему. Однажды я спросил:

– А ты хоть знаешь, что это значит? Где слышал?

– На каком-то занятии по Лени-ни-зь-му, – ответил Владимир. – Понятия не имею, что это такое, но звучит красиво, и все думают, что я очень, очень умный. Когда выступаю, особенно перед женской частью пролетариата, глазом всегда слежу за впечатлением. Как только скажу: «Без всяких аннексий...», – всё. Любую бери. Готова. Веди. Клади. Делай, что хочешь...

– Ну раз классика и меня цитируешь, значит, умный и сексуальный.

– А как же. Ты теперь высоко, – он демонстративно глянул вверх, – поэтому тебя надо ци-ти-ро-вать. Так уж у нас принято, Семёныч. Годик тебя поцитирую, глядишь, и меня начнут замечать. С твоей помощью.

– Для тебя постараюсь. Мне кажется ты сегодня какой-то возбуждённый.

– Ты, как всегда, прав и наблюдателен. От тебя ничего не скроешь. Я только вчера вышел из отпуска, за который тебе спасибо. Отдыхал в Крыму. Но, самое главное – один, без жены. Отдохнул на десять лет вперёд. Это блаженство... В любое время дня у тебя благодушное настроение и каждый тебе друг, товарищ и брат. А каждая – тем более. Я даже лирическое сочинил:

*Я в море купался и загорал,
Отдых был изумительный.
Ласковой женищине я шептал:
– Милая, вы восхитительны.*

И только в последние дни думаешь – скоро возвращаться, а жить так хочется...

– Тебя нельзя одного отпускать. Ты ловелас и подхалим, и в этом ты неисправим.

– Вот! Видишь, со мной даже ты заговорил стихами. А что говорить о лучшей половине человечества...

Рис. Е. Кран

– Это у меня случайно.

– А по поводу подхалимажа я так определился. Послушай, ты первый, кому читаю... Он вынул из кармана записную книжку и продекламировал с пафосом:

Ругаться с начальством? Топать ногой?

*Бить себя в грудь и рявкнуть?
По жизни мне ближе принцип другой:
Лучше лизнуть, чем гавкнуть.*

– Гениально! Как я расту! Какое проникновение в душу человека!
Он поднял указательный палец.
– Учись у старших товарищей! Привет семье!
И, улыбаясь, пошёл на своё рабочее место.

Жри землю

Едем по степи на площадку крупного строительства с одним из руководителей области. Степь да степь кругом...

– Григорий Семёнович, как вы в этих краях оказались?

Он улыбнулся.

– Детдомовский я. Сирота. Окончил в тридцатые годы школу, и послали меня сюда, как тогда говорили, по спецнабору.

«Ехай, – сказали. – Тебе поручаем строить Страну Советов».

Прибыл. А там – городок небольшой, работают заключённые. Всё огорожено. Озеро солёное. Пресную воду в бочке возили на трёхтонке за сто двадцать километров. А командовал всеми Моряк – кличка у него была такая. Большевик с маузером. Ездил на пикапе со спицами. Грамотёнки у Моряка мало было, звал иногда меня, как он сам говорил, «создать бумагу». Но руководить умел. Дисциплину держал. Боялись его.

Я осмотрелся. Шустрый был. И решил удрать. А что? Молодой, жрать нечего, воды нет, девок за горизонтом не увидишь. Но не отпустит добровольно Моряк. А по степи далеко пешком не уйдёшь. Составил для себя план побега и приступил к его исполнению. Когда машину за водой послали, взял своё имущество – деревянный ящичек, залез в бочку, чтобы никто не видел, и поехал. Еду, хоть и темно, трясёт, но радуюсь: «Какой же я хитрый!» Но, видать, кто-то стукнул. Узнал Моряк про это и догнал трёхтонку на своём пикапе со спицами. Остановил и кричит:

«Вылазь, Гришка, я тебя стрелять буду!»

Вылез я со своим деревянным ящичком, он меня к бочке поставил, брови сдвинул и говорит:

«Именем революции и советской власти я тебя приговариваю к расстрелу за изменничество и за то, что хочешь убéгти...»

И маузер мне прямо в грудь. Перепугался я, упал на колени:

«Пощади... не убивай... молодой я... глупый».

«Жри, – говорит, – землю, с которой убéг».

Я жру землю, а Моряк командует:

«Клянись, что отседова не убе́гнешь!»

Жру я землю и клянусь. Жру и клянусь.

«Ну, ладно, ехай обратно».

Так я и остался здесь. Клятву держал. Управляющим стал. Героем социалистического труда. Депутатом республики. Орденосцем.

А Моряка в тридцать девятом Сталин прикончил.

Нестандартный тост

Так случилось, что после окончания вуза я по распределению работал на производстве в провинции, а затем перешёл в столичный институт по проектированию металлургических заводов. У производственников к проектировщикам всегда было скептическое отношение, эдакое чувство превосходства. («Сидят девочки и мальчики, рисуют на кульманах карандашиками».)

Я исключением не был. И только когда начал осваивать эту профессию, понял, как ошибался. Прошёл не один год, пока пришла уверенность. Совсем не юноши и девушки, а зрелые, высокообразованные, талантливые, умные специалисты создавали проекты заводов, объектов различного профиля и назначения. По этим проектам строилось всё – от детских садов до космодрома Байконур.

В нашем институте я общался с таким количеством эрудированных, грамотных, напористых и уступчивых, неприятных и благожелательных, скрытных, остроумных и многознающих людей, что порой начинал сомневаться в своих возможностях руководить этим коллективом, хоть и имел неплохой производственный опыт.

Одним из ярких коллег, который на первых шагах поддерживал меня своими советами и жёстко критиковал при неудачах, был Лев Борисович Штейн. Я обратил на него внимание, когда в первые же дни работы увидел в коридоре группу мужчин и женщин, окруживших стоящего в центре человека. Небольшого роста, пожилой мужчина с чёрными, нет – очень чёрными, излучающими какую-то колоссальную энергию глазами, с приплюснутым, искривлённым носом и словно помятыми ушами, с тёмными, тронутыми сединой волосами энергично и громко что-то разъяснял.

Когда я подошёл ближе, то услышал следующий пассаж:

– Зачем вы мне рассказываете, что перед вами стоят вопросы? Вопросы надо решать! А стоять должен х** (простите, но из этой песни слов не хочется выбрасывать)!

Лев Борисович в выражениях не стеснялся. Сознаюсь, я имел немалый запас ненормативной лексики, но он жил несколькими этажами выше.

В этом я убедился, познакомившись с ним поближе, так как наши кабинеты оказались рядом, и его могучий голос слышен был всегда при разговорах по телефону или производственных разборках.

– Лев Борисович, почему вы говорите так громко и так эффектно материтесь? – спросил я у него, когда наше общение стало более тесным. Мы часто общались, короче – прониклись друг к другу.

Он внимательно посмотрел на меня, потом на часы и после длинной паузы изрёк:

– Заканчивается рабочий день. На такие «умные» вопросы я могу отвечать только за бутылкой коньяка высшего качества и выдержки с соответствующим закусоном. Если ты готов выполнить это техническое задание, то в твоём распоряжении тридцать пять минут и гастроном напротив. Только при таких условиях я тебе поведаю «яркую» историю своей неполноценности...

– Засекайте время. Я как спринтер. Мигом.

От других я слышал о нём разные истории, случаи из жизни, эпизоды биографии, что любил выпить. Но также я знал и то, что руководство самыми сложными проектами поручалось Штейну. А тут он сам предложил поговорить. Через полчаса на столе стояли коньяк, закуска, дверь изнутри была заперта на ключ, и первые порции налиты в стаканы.

– Лев Борисович, вам слово.

Тяжёлый вздох. Он держал в руках стакан, некоторое смотрел на него и вот медленно сказал:

- У меня тост постоянный: чтоб мы здоровы были и чтобы нас не били... Выпили.
- Нестандартный тост.
- Собственного сочинения. После освобождения из подвалов Лубянки. Так чем тебя заинтересовала моя персона? – спросил он.
- Вы похожи на моего отца.
- А где отец?
- Враг народа. Директор завода. В пятьдесят третьем. Но он не успел выйти.
- Значит, мы с ним из одного хора. Я сын сапожника, из бедной многодетной еврейской семьи. Пятеро сыновей и три дочери.
- За вашу семью!
- Не возражаю. Повзрослел рано и, как многие из моего поколения:

*Я хату покинул, пошёл воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.
Прощайте, родные!
Прощайте, семья!..*

- Вы любите поэзию?
 - Да. Но есть ещё проза жизни.
- Мы долго сидели. Я сбегал ещё за одной бутылочкой, потому что закончить разговор, эту исповедь незаурядного человека, было невозможно. Стало понятно, что ему хочется поделиться.
- Родители не очень и переживали, что сын ушёл устраивать свою судьбу. Одним ртом меньше. Воевал. Работал. Учился. Снова работал. Был в первой тысяче советских красных директоров. Так нас и называли. Потом всех в красной крови пополоскали. А потом... Конец пятьдесят второго года...
- Компетентные органы обнаружили, что трудился я в поте лица не для прославленного рабочего класса и могучего крестьянства и интеллигенции. Не на благо нашего социалистического государства. И серпом не то косил и молотом размахивал не в ту сторону... А для шести иностранных разведок. Следовательно, я враг народа. К тому же сионист... В чём просим расписаться... Ах, не хотите?.. Не были? Молчите, Л-Е-В Б-О-Р-И-С-О-В-И-Ч. Не слышите? Нужно подправить ваше сознание... А ты наливай. Наливай. Развесил уши.
- За ваше здоровье!
 - За твоё тоже... И мне подправляли данные родителями нос и уши... Били и подправляли. Били и подправляли... Все части моего не крупного тела. Снизу до самой головы, чтоб извилины выпрямить и сознание... Держался, пока мог... Но самое тяжёлое... тебе первому признаюсь. Это тишина. Жуткая, гнетущая тишина... В одиночке... Тоже пытка. Тиши-ной... Остались неискалеченными голосовые связки и глаза, но практически ничего не слышу, поэтому ору. А откуда, спрашиваешь, эффектный мат? Так это производство, практика, где, как ты сам знаешь, в наших условиях, нужно иметь полголовы и два языка... Ну и, конечно, спецы с Лубянки. Многие с высшим образованием по этим делам. Прямо академики. Обучали, пока я слышал... С тех пор этот тост, – с грустью закончил он.
 - А после освобождения?
 - Великий вождь всех времён и народов ушёл в мир иной, а мы возвратились в этот. На прежнем месте меня никто не ждал. Тем более с таким носом, ушами, именем, отчеством и фамилией. Подался в проектирование.
 - Я, честно говоря, думал, что вы были в молодости боксёром или борцом...

– Ма-ла-дэц! – смеясь, с восточным акцентом сказал он.

– Именно этой версией я всегда пользуюсь при общении с женщинами...

Он не лукавил. Самое удивительное состояло в том, что этот невысокий, изуродованный, потерявший работу, семью и жилище человек не опустил, не спился, не разочаровался в жизни и пользовался потрясающим успехом у женщин самой высокой пробы.

Несколькими годами позже я стал свидетелем разговора двух директоров крупных проектных институтов. Речь шла о выполнении приказа министерства по сокращению численности штата на двадцать процентов. «Экономика должна быть экономной!» Могучий лозунг!

Наш директор тяжело вздохнул:

– Не знаю, что делать... Сейчас много заказов – и наших, и зарубежных, а я должен сокращать людей... А ты как решаешь этот вопрос?

Коллега, улыбаясь, но тоже с грустью:

– У меня план перевыполнен – тридцать пять процентов уехало в Израиль.

– А как ты работать будешь?

– А это уже совсем другая история. Также предлагают очень солидный проект, а кто будет выполнять – ещё не соображу.

Наш задумался и неожиданно предложил:

– Давай я тебе переведу десять-пятнадцать процентов нужных людей. По бумагам всё оформим как надо. Ты выполнишь заказ, получишь премию, моих не забудешь, а я отчитаюсь о сокращении. Кампания стихнет, и всё станет на свои места.

– Не возражаю. Только людей я подберу сам. По деловым и политическим качествам, – с улыбкой закончил он.

– Договорились.

Главным инженером проекта был назначен Л. Б. Штейн.

Поставьте!

Уникально хозяйство Кремля:

Техника, церкви, палаты, земля.

Есть машина, издающая звук,

Птиц отпугивающая вокруг.

Если надо – придумали! Наладили!

Чтобы вороны меньше гадили...

Всё мы можем! По аналогии,

Предлагаю внедрить технологию:

Во имя России спасения,

Отныне и во веки веков,

Создать приспособление,

Отпугивающее дураков,

Карьеристов, рвущихся к власти,

Демагогов с дипломом и без.

Оградить от этой напасти

Общий дом наш – Страну Чудес.

Кто-то требует: «Ломка СИСТЕМЫ!»

Кто-то жаждет: «Кнут и петля!»

Создайте! Может, решим проблемы?

И не только касающиеся Кремля...

Первый концерт для фортепиано с оркестром

*Когда страна
быть прикажет героем,
У нас героем
становится любой.*

В. Лебедев-Кумач

Конец пятидесятих годов. Всюду звучало имя Валентины Гагановой, прядильщицы Вышневолоцкого хлопчатобумажного комбината, которая, как утверждалось, добровольно перешла в отстающую бригаду и вывела её в передовые.

– Все собрались?

Кузьмин взглядом проверил: слева за столом – серьёзный Чуев, рядом Гринько – знаток всех сортов и наименований спиртных напитков, весельчак и балагур Спиваков – руководители основных цехов прокатного металлургического производства. Справа – парторг, профорг.

– Докладывай, – кивнул Кузьмин парторгу.

Тот встал и, глядя в бумажку, начал читать:

– Партийным комитетом завода нам оказана честь. Нужно рекомендовать кандидатуру бригадира для перехода в отстающую бригаду с целью улучшения её работы и, таким образом, поддержать почин Гагановой. Это должен быть, – он усилил голос и медленно начал перечислять, – передовик производства... с трудовым стажем... член КПСС или комсомолец... морально устойчивый... хороший семьянин... непьющий...

Оратор положил листок на стол. Тишина. Все с улыбкой смотрели друг на друга.

– У нас таких святых нет, – убеждённо сказал Чуев. – Я, честно говоря, не понимаю, что это за привилегия такая. Это же, наверное, должно идти от самого человека, а не от оказанной чести. И как это будет выглядеть практически? Зову я, например, Иванова и предлагаю перейти в другую бригаду по собственному желанию. Он посмотрит на меня как на чокнутого. А через два месяца та бригада будет самой пьющей в цехе. Тоже – почин! Прошу внести в протокол.

– Начнутся обмены опытом, поездки, банкеты, газеты. Надо выбрать середнячка, чтоб производство не страдало. Нам оказана честь, видите ли. Лучше б зарплату повысили, квартиры дали. Ему честь создадут, а мы хорошего парня потеряем... сопьётся, – грустно вздохнул Гринько.

– Так... Кто ещё не высказался из организаторов заговора? – спросил Кузьмин. – Спиваков?

Предыдущие двое свою точку зрения обнародовали сидя. Спиваков встал, поправил спецовку и, с напускной серьёзностью чеканя слова, начал:

– Дорогие товарищи! Друзья! Перед нами поставлена серьёзная задача, имеющая большое политическое и общественное значение, и мы должны...

– Прекрати, Спиваков, – прервал его начальник. – Давай по делу.

– Есть! Значит, так. Официально уведомляю партийные и профсоюзные организации. Что у меня с завтрашнего дня свой почин! Не хуже. Я в отпуске и еду со своей Ниной Семёновой починять семейные отношения. Никем и ничем помочь не успею. Но сказать по повестке дня – пожалуйста.

– Это ты можешь, – все рассмеялись.

– Недавно у нас в посёлке свадьба игралась. Когда все «поднабрались», пошли танцы, песни, частушки. И там я услышал, какую оценку официальному почину дал наш неунывающий женский пролетариат:

*Разлюблю хорошего,
Полюблю поганого,
Пусть все люди говорят,
Что я как Гаганова.*

Общий смех прервал Кузьмин:

– Сплошная контра, как я с вами ещё на свободе? Два дня – и документы чтоб были у меня на столе.

И все пошли подбирать кандидатуру.

Уговорили Григория Антонова. Он работал старшим вальцовщиком на мощном прокатном стане. С ним трудились ещё два вальцовщика, солидной бригады никакой в подчинении не было, опыта руководства тоже, но это никого не интересовало. Нужна была кандидатура. Он согласился. А главное – подходил по многим параметрам.

Тридцать лет. Член КПСС. Закончил ПТУ (производственно-техническое училище). Рост 190 см. Глаза карие. Светловолосый. Огромные ручки. Производственная кличка – Медведь. Любимая песня – «Первым делом, первым делом самогоны». Женат.

Разъяснили, что все всё понимают: отрапортуют, пошумят-пошумят и забудут. Но представлено всё будет как добровольный переход в отстающую бригаду. Пообещали бесплатные путёвки семье (жена, дочь, сын) на отдых в Крым в хороший сезон, а также талон на приобретение автомобиля (со скидкой!).

Так Григорий Васильевич Антонов (ласковое имя «Грыня») стал «гагановцем». Никто не обратил бы на это особого внимания, если бы через некоторое время по заводскому радио, днём, когда работала смена Антонова, не прозвучала передача, посвящённая передовикам производства. Молодая журналистка, захлёбываясь от восторга, рассказывала об успехах Антонова, его волевом характере, правильном понимании почина, ловких руках, замечательной семье, серых глазах и большой любви к музыке... В заключение она елеиным голосом произнесла: «По просьбе Григория Васильевича прозвучит первая часть Первого концерта для фортепиано с оркестром Петра Ильича Чайковского».

И далее, следуя литературным штампам, полились чарующие звуки. Передача транслировалась и по городу.

Это в цехе слышали все, поскольку специально была включена громкоговорящая аппаратура. После чего вторая половина смены превратилась для «гагановца» в ад. Каждый норovil подойти и поиздеваться. Всех развеселила характеристика новоиспечённого передовика производства и его пристрастий. Удивило многое, но запомнили одно – «первая часть Первого концерта для фортепиано с оркестром Петра Ильича Чайковского».

– Василич, дорогой, как она тебя здорово расписала, а не сказала, что ты рыбак. Но не переживай, я ей позвоню, исправим. Теперь будем рыбачить под эту... под фортепяну... Как поедem – музыку с собой возмём, да и журналисточку тож... А? Она как, контактная? Для неё брать удочку аль матрац?..

– Слушай, Грынечка, милый. Возьми меня к себе в бригаду. Стану образованной по музыке. Да на меня все мужики западут. Не возражаешь? Не откажи. Пока годы молодые...

– Дорогой Григорий Васильевич! Сколько мы с тобой выпивали, но я никогда не слышал, чтоб ты орал этот концерт, да ещё не сам, а с оркестром! Может, ты нам всегда вторую часть горланил?

– У тебя же глаза карие, а она говорит, серые, да ещё таким голосом. Ты её случайно... Ну сознайся! Ну ты даёшь, Григорий. А Валюша твоя знает, как ты любишь, ну эту... первую часть?

– Григорий! Мы посоветовались на нашем участке. Машка родить должна. Решили, если будет пацан, назовём его или Григорием, или, как этого, который музыку сочиняет?... Петром. Ты как? Не против?

– Покажи, гагановец, свои ловкие рученьки – это же лопаты, а не музыкальные пальчики!..

– Она сказала «для форта пьяного». Гриш, а кто такой форт?

Антонов молчал и улыбался. По счастью, природа наделила его чувством юмора. Он точно не помнил, какие вопросы задавала ему журналистка, когда брала у «гагановца» первое в его жизни интервью. Но на вопрос «Какую музыку вы хотели бы послушать?» Григорий чётко ответил, что никакой не «первый концерт», а песню, и не для фортепиано, а под гитару, и не с оркестром, а под хриплый голос, и не Петра Чайковского, а Владимира Высоцкого. Последний чувствительный удар нанесла дочка, когда он вошёл в дом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.